

УДК 911.53:39(470.1)+[2-13](045)

ХУДЯЕВ Андрей Сергеевич, аспирант кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 3 научных публикаций

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

В статье представлена попытка разработки концептуальной и операциональной модели исследования сакрального пространства в его структурно-семиотических, феноменологических и топографических аспектах. В качестве базового элемента данной модели избрано направление (ориентация) как символ пространственного (топографического, геометрического) и ментального отношения между религиозным субъектом и объектом.

Ключевые слова: *священное пространство, культурный ландшафт, коренные народы Севера, ориентация, направление, текст, перформативное, концептуальная, операциональная модель.*

Необходимую роль в исследовании традиционной культуры коренных народов Северной Евразии, особенно ее религиозных, культовых, мировоззренческих аспектов, играет изучение пространственных представлений и способов их выражения в конкретных культурных практиках. Пространство в традиционной культуре всегда сакрализовано и имеет высокий семиотический статус. Кроме того, можно предположить, что изначально опыт пространства комплиментарен опыту священного. Единение этих модусов постижения мира в едином концепте («священное пространство») может вытекать

уже из их общего понимания как априорных, предшествующих любому внешнему опыту форм постижения мира. Неслучайно между наследием И. Канта и Р. Отто существует определенная преемственность, на которую, в частности, указывает М.А. Пылаев [7, с. 12–14]. При этом следует помнить, что в концепциях Р. Отто категория священного хоть и строится на основе понятия нуминозного как исходного пункта и подлинного ядра любой религии, но все же не исчерпывается этим ядром, сохраняя в себе моральный и рациональный компоненты [5, с. 98]. В своем единстве три аспекта этой

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Архангельской области (проект № 12-13-29004 а/С «Образы финно-угорского, скандинавского и русского православного наследия в этнокультурном ландшафте Поморья»).

фундирующей традиционную культуру категории, на наш взгляд, должны быть эксплицированы и на изучение священного пространства.

В большинстве классических работ по данной теме слово «священное» применительно к пространству понимается как синоним мифологического или мифопоэтического. В подобных концепциях акцентируется внимание на изначальной неоднородности и качественности пространства. Согласно М. Элиаде, религиозный опыт неоднородности мира является основополагающим, сравнимым с сотворением мира [14, с. 22]. Священное пространство здесь конституируется относительно иерофании, которая играет роль абсолютной «точки отчета» или «Центра» [14, с. 23]. В статье, включенной в фундаментальную энциклопедию «Мифы народов мира», В.Н. Топоров характеризует пространство как оживотворенное, одухотворенное и качественно разнородное. Пространство «не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими» [9, с. 340]. Курт Хьюбнер указывает: «В мифе нет совокупного пространства, в котором все имеет свое место, в котором все может быть расположено, а есть только последовательно расположенные элементы пространства» [11, с. 155].

Трактовка рассматриваемого концепта исключительно в контексте дифференцирующего мифологического мышления, продуцирующего идеальный качественно-дискретный космологический образ, может быть достаточно ограниченной. В наиболее общей антропологической и культурологической перспективе она должна быть дополнена учетом следующих моментов: 1) должно быть взято во внимание наличие непосредственных чувственных и психологических перцепций конкретного природно-культурного пространства, которые не могут игнорировать лиминальных и семиотически неокрашенных пространств; 2) в современном гуманитарном дискурсе священное пространство рассматривается не только как духовный образ, но и как его иконическое выражение в виде исторически-конкретной

иеротопии, носящей текстуальный и перформативный характер [6].

В качестве попытки удовлетворить этим условиям, а также в стремлении представить священное пространство в наиболее наглядной горизонтально-картографической перспективе можно попытаться сформулировать такую модель, в которой основным конституирующим элементом является не объект (точка) или locus (площадь), но ориентация, геометрически изображаемая как вектор.

Подобная конституция позволяет учитывать одновременно не только наличие религиозного объекта (иерофании), но также субъекта и, что особенно важно, лиминальное, не имеющее семиотического статуса, пространство между ними. В сакральной географии такая область обладает не содержательной, но функциональной значимостью, выступая как условие формирования направления, в широком смысле интерпретируемого как отношение между субъектом и объектом.

Направление как ключевой элемент священного пространства отмечен еще в метафизической доктрине традиционализма. Согласно Рене Генону, оно присуще самой природе пространства и является гарантом его изначальной качественности [2, с. 32]. Пространство как совокупность направлений представляет собой ансамбль всех возможностей как конкретного бытия, так и универсального существования [1, с. 70]. По предположению антрополога К.В. Истомина, направления «составляют грамматику или, точнее, синтаксис природы как текста <...> различные культуры могут различаться не только в своем прочтении символов, но и в своем прочтении этой грамматики, и это прочтение является неотъемлемой и очень важной частью семиозиса. Интерпретация природной среды в различных культурах сильнейшим образом зависит от того, как в этих культурах осмысливается “пустое место”, т. е. пространство между объектами этой среды» [3, с. 132].

Актуализированное направление становится ориентацией, и ее вектор можно трактовать как геометрическую метафору, выражающую

интенциональную (направленную) природу религиозного сознания, а также его субъектно-объектное единство. В этом смысле атрибутом каждой отдельной ориентации, имеющей пространственное выражение, становится непосредственный религиозно-психологический опыт и его символическое содержание. С другой стороны, ориентация может рассматриваться как внутренний акт проектирования культового действия в соответствии с пространственными представлениями его субъекта. Система ориентаций может выступать не как субстанциональное, но как структурное образование, как система отношений, в основе которой лежит направление. Совокупность наполненных смыслом направлений формирует особый код, зная который, можно реконструировать семиотический смысл отдельного культового действия. Другими словами, здесь мы имеем дело с элементом, связующим идеальные пространственные представления и их историческое выражение в текстах и перформативах исторически-конкретного культурного ландшафта.

Ориентация вырастает как универсальный метод дифференциации географической реальности, позволяющий учитывать как дискретную, так и континуальную природу пространственного и религиозного опыта. При этом ориентационная модель особенно подходит для изучения номадических традиций Севера, где направление становится неизменным качественным атрибутом при общей динамичности пространственного бытия.

Ранее мы описали систему ориентаций в этнокультурном ландшафте ненцев [10]. Она раскрывается как совокупность двух уровней (типов). Первый тип определяется как константный и строится на основе направлений сторон света и относительно ключевых объектов сакрального ландшафта. Ориентации второго типа высвечиваются каждый раз заново посредством гадательного ритуала, целью которого является определение направления для планируемого действия. К этому можно добавить, что вполне очевидным вырастает существование отдельных одномерных простран-

ственных систем, воплощенных в пространстве дороги или реки. В каждой такой системе могут быть актуализированы лишь два направления, но они также выражаются посредством определенных символических конструкций.

Примером таких ориентаций может служить приведенное В.В. Чарнолуским описание шаманского обряда, совершавшегося русскими лопарями на оз. Сейдъярв. Особый интерес здесь представляет положение ключевых фигур обряда (опаса и жертвы) на пути к священному озеру и обратно. В первом случае опас и девушка (символически приносимая в жертву) находятся впереди, во втором – сзади процессии, сохраняя, как нам кажется, свое положение так, чтобы всегда быть ближе к священному месту, как бы указывая в его направлении [13]. В традиционной культуре коми каждому направлению в одномерном пространстве реки («по течению» и «против течения») также придается определенный семиотический статус. В частности, имеет место обычай, согласно которому новый дом каждый раз ставили на берегу реки выше того места, где стоял прежний, «или хотя бы на вершок против течения». Только в этом случае можно было ожидать от реки «счастье всему в новом доме» [12]. Существует также поверье, согласно которому живым воплощением «вакуль» [водяного. – А.Х.] являются крупные старые щуки, особенно если они стоят в воде головой по течению, а не против, как обычно стоят рыбы [4, с. 200]. По народным приметам коми, если живой снится другому человеку плывущим вверх – это хорошо, если вниз – это плохо [8].

Приведенное описание ориентационной модели следует понимать как попытку построения методологии, согласно которой на примере наглядного геометрического образа (ориентация как вектор) учитывались бы не только субъект и объект сакральных отношений, но и сами эти отношения. Придание символического статуса направлению позволило бы рассматривать в едином образе не только идеальное качественно-дискретное пространство, но и конкретный включающий в себя необозначенную протяженность ландшафт.

Список литературы

1. Генон Р. Символизм креста. М., 2008. 304 с.
2. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2011. 304 с.
3. Истомин К.В. Мы смотрим на мир – мир смотрит на нас: предметно-пространственные отношения и их обозначение как элемент семиотической картины мира // Семиозис и культура: сб. науч. ст. Вып. 2. Сыктывкар, 2006. С. 130–136.
4. Конаков Н.Д. Религиозное мировоззрение промыслового населения народа коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001. С. 196–226
5. Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения: учеб. пособие. М., 2007. 239 с.
6. Лидов А.М. Византийский мир и пространство перформативного // Перформативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 5–16.
7. Пылаев М.А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. М., 2011. 216 с.
8. Сиикала А.-Л., Уляшев О. Мир человеческий – мир духов. URL: <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/2/225/229> (дата обращения: 27.01.2013).
9. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2: К-Я. С. 340–342
10. Худяев А.С. Сакральная география как система ориентаций в этнокультурном ландшафте ненцев // Вестн. Сев. (Арктического) федер. ун-та. 2012. № 6. С. 129–133.
11. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.
12. Чагин Г.Н. В.П. Налимов – исследователь иньвенских коми-пермяков. URL: http://www.komi.com/pole/publ/history/4.asp#_edn32 (дата обращения: 05.02.2013).
13. Чарнолуский В.В. В краю Летучего камня. Записки этнографа. М., 1972. 271 с.
14. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.

References

1. Guénon R. *Le Symbolisme de la Croix*. Vêga, 1931 (Russ. ed.: Genon R. *Smivolizm kresta*. Moscow, 2008. 304 p.).
2. Guénon R. *Le Règne de la Quantité et les Signes des Temps*. Paris, 1945 (Russ. ed.: Genon R. *Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni*. Moscow, 2011. 304 p.).
3. Istomin K.V. My smotrim na mir – mir smotrit na nas: predmetno-prostranstvennyye otnosheniya i ikh oboznachenie kak element semioticheskoy kartiny mira [We are looking at the world, and the world is looking at us: body-space relations and their designation as an element of the semiotic worldview]. *Semiozis i kul'tura: sbornik nauchnykh statey* [Semiosis and Culture: Collected Papers]. Iss. 2. Syktyvkar, 2006, pp. 130–136.
4. Konakov N.D. Religioznoe mirovozzrenie promyslovogo naseleniya naroda komi [Religious Outlook of the Hunting and Fishing Population of the Komi People]. *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [Christianity and Paganism of the Komi People]. Syktyvkar, 2001, pp. 196–226.
5. Krasnikov A.N. *Metodologicheskie problemy religiovedeniya* [Methodological Problems of Religious Studies]. Moscow, 2007. 239 p.
6. Lidov A.M. Vizantiyskiy mir i prostranstvo performativnogo [Byzantine World and the Space of the Performative]. *Performativnoe v Vizantii i Drevney Rusi* [The Performative in the Byzantine Empire and Early Russia]. Moscow, 2011, pp. 5–16.
7. Pylaev M.A. *Kategoriya "svyashchennoe" v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka* [The Category of "Sacred" in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy of the 20th Century]. Moscow, 2011. 216 p.
8. Siikala A.-L., Ulyashev O. *Mir chelovecheskiy – mir dukhov* [The Human World – the World of the Spirits]. Available at: <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/2/225/229> (accessed 27 January 2013).
9. Toporov V.N. Prostranstvo [Space]. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, 1992. Vol. 2: K-Ya, pp. 340–342.
10. Khudyaev A.S. Sakral'naya geografiya kak sistema orientatsiy v etnokul'turnom landshafte nentsev [Sacred Geography as a System of Spatial Orientations in the Ethnocultural Landscape of the Nenets]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2012, no. 6, pp. 129–133.

11. Hübner K. *Die Wahrheit des Mythos*. München, 1985 (Russ. ed.: Khyubner K. *Istina mifa*. Moscow, 1996. 448 p.).

12. Chagin G.N. *V.P. Nalimov – issledovatel' in'venskikh komi-permyakov* [V.P. Nalimov: Researcher of the Komi-Permyak People Living by the Inva River]. Available at: http://www.komi.com/pole/publ/history/4.asp#_edn32 (accessed 5 February 2013).

13. Charnoluskiy V.V. *V krayu Letuchego kamnya. Zapiski etnografa* [In the Land of Flying Stones. Ethnographer's Notes]. Moscow, 1972. 271 p.

14. Eliade M. *Le Sacré et le Profane*. Gallimard, 1956 (Russ. ed.: Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow, 1994. 144 p.).

Khudyaev Andrey Sergeevich

Postgraduate Student, Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

CONCEPTUAL AND OPERATIONAL MODEL OF INVESTIGATION OF SACRED SPACE

The article deals with elaboration of the conceptual and operational model of sacred space investigation in its structural-semiotic, phenomenological, and topographical aspects. The basic element of this model is *direction* as a symbol of spatial (topographical, geometrical) and mental relations between the religious subject and object.

Keywords: *sacred space, cultural landscape, indigenous peoples of the North, orientation, direction, text, performative, conceptual, operational model.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: ordo-ad-chao@yandex.ru

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор, директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова